

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-33-47

Средства формирования политической лояльности подростающего поколения русских эмигрантов к японским оккупационным властям на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии)

Е.С. Бабкина, Ю.С. Пестушко, С.И. Якимова

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей формирования политической лояльности подрастающего поколения русских эмигрантов к японским оккупационным властям на территории Северо-Восточного Китая. Хронологические рамки настоящего исследования определены 1931–1945 гг. и затрагивают один из самых сложных и противоречивых периодов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона. В 1931 г. Япония, реализуя геостратегическую программу по завоеванию Азии, оккупировала северо-восточную часть Китая – Маньчжурию. В стремлении легитимировать свои права и укрепить влияние на аннексированной территории оккупационные власти разработали нестандартную, не имеющую аналогов стратегическую программу по формированию лояльности населения к экспансионистскому политическому режиму. Пристальным объектом внимания представителей новой власти стало подрастающее поколение русских эмигрантов как эффективный и продуктивный в количественном и качественном отношении ресурс, способный в кратчайшие сроки обеспечить прорывное развитие слабого в экономическом и индустриальном отношении региона. Разработанная японцами система юридических, политических, организационных, идеологических средств воздействия на подрастающее поколение русских эмигрантов, реализуемая на индивидуальном, институциональном и государственном уровнях, была направлена на формирование нового поколения граждан Маньчжоу-Ди-Го, лояльного к японскому политическому режиму и добровольно реализующего панasiatскую программу. Материалом для настоящего исследования послужили документы, сохранившиеся в эмигрантских фондах Государственного архива Хабаровского края: личные дела российских эмигрантов, включающие переписку с крупными деятелями русской эмиграции в изучаемый период, материалы агентурных сведений, приказы, распоряжения и отчеты, корреспонденцию чиновников и ответственных лиц Японской военной миссии. Кроме того, привлекались периодические издания для детей и молодежи, издававшиеся россиянами в Китае в начале – середине XX в., представляющие в настоящее время библиографическую редкость. Методологическую базу работы составили актуальные научные подходы, принципы и методы исследования: историко-культурный, социокультурный, системно-исторический, культурологический, компаративистский подход, номотетический (обобщающий) принцип исследования, методы сравнительно-исторического, синхронического, структурно-типологического, описательного, биографического, системного анализа.

Ключевые слова: политическая лояльность, Япония, Северо-Восточный Китай, Маньчжурия, оккупация, подрастающее поколение, русская эмиграция.

Авторы:

Бабкина Екатерина Сергеевна, д.филол.н., профессор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, директор Института социально-политических технологий и коммуникаций ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». ORCID: 0000-0001-7310-7798; E-mail: 006007@pnu.edu.ru

Пестушко Юрий Сергеевич, д.ист.н., доцент, профессор высшей школы дизайна и искусств ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: 009968@pnu.edu.ru

Якимова Светлана Ивановна, д.филол.н., доцент, профессор высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». ORCID: 0000-0003-4810-9956; E-mail: 005563@pnu.edu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бабкина Е.С. Средства формирования политической лояльности подрастающего поколения русских эмигрантов к японским оккупационным властям на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) // Японские исследования. 2024. № 4. С. 33–47. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-33-47

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20352, <https://rscf.ru/project/24-28-20352/>.

Means of forming political loyalty of the younger generation of Russian emigrants to the Japanese occupation authorities in the territory of Northeast China (Manchuria)

E.S. Babkina, Y.S. Pestushko, S.I. Yakimova

Abstract. The article studies the peculiarities of the formation of political loyalty of the Russian younger generation of emigrants to the Japanese occupation authorities in Northeast China. The chronological scope of this study is defined as 1931–1945 and covers one of the most complex and controversial periods in the history of the Asia-Pacific region. Implementing a geostrategic program to conquer Asia in 1931, Japan occupied the northeastern part of China – Manchuria. In an effort to legitimize their rights and strengthen their influence in the annexed territory, the occupation authorities developed a non-standard, unique strategic program to build the population's loyalty to the expansionist political regime. The new generation of Russian emigrants, being an effective and productive resource in terms of quality and quantity, capable of ensuring breakthrough development of an economically and industrially weak region in the shortest possible time, became an object of close attention for the representatives of the new government. Developed by the Japanese and implemented at the individual, institutional, and state levels, the system of legal, political, organizational, and ideological means of influencing the younger generation of Russian emigrants was aimed at forming a new generation of citizens of Manchukuo, loyal to the Japanese political regime and voluntarily implementing the pan-Asian program. The material for this research was the documents preserved in the emigrant funds of the State Archives of the Khabarovsk Territory: personal files of Russian emigrants, including correspondence with major figures of the Russian emigration during the period under study, materials from intelligence agencies, orders, instructions and reports, correspondence of officials and individuals responsible for the Japanese military mission; periodicals for children and youth published by Russians in China in the early to mid-20th century, which are currently a bibliographic rarity.

The methodological basis of the work was made up of modern scientific approaches, principles, and research methods: historical-cultural, sociocultural, systemic-historical, cultural, comparative approach, nomothetic (generalizing) principle of research, methods of comparative-historical, synchronic, structural-typological, descriptive, biographical, and systemic analysis.

Keywords: political loyalty, Japan, Northeast China, Manchuria, occupation, younger generation, Russian emigration.

Authors:

Babkina Ekaterina S., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Graduate School of Media, Communications and Service, Director of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications of the Pacific State University. ORCID: 0000-0001-7310-7798; E-mail: 006007@pnu.edu.ru

Pestushko Yuri S., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of Design and Art of the Pacific State University. ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: 009968@pnu.edu.ru

Yakimova Svetlana I., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Graduate School of Media, Communications and Service of the Pacific State University. ORCID: 0000-0003-4810-9956; E-mail: 005563@pnu.edu.ru

Conflict of interest. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Babkina, E.S., Pestushko, Y.S., Yakimova, S.I. (2024). Sredstva formirovaniya politicheskoi loyal'nosti podrastayushchego pokoleniya russkikh emigrantov k yaponskim okkupatsionnym vlastyam na territorii Severo-Vostochnogo Kitaya (Man'chzhurii) [Means of forming political loyalty of the younger generation of Russian emigrants to the Japanese occupation authorities in the territory of Northeast China (Manchuria)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 33–47. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-33-47

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation (grant project No. 24-28-20352), <https://rscf.ru/project/24-28-20352/>

Введение

В сентябре 1931 г. Япония начала оккупацию Северо-Восточного Китая. Это событие имело далеко идущие последствия: завоевание Маньчжурии стало частью амбициозных политических устремлений Японии по установлению экономического и идеологического протектората в странах Азии. Политическая ситуация в Северо-Восточном Китае благоприятствовала реализации планов Японии: гражданская война между Северным и Южным Китаем, начавшаяся еще в 1910-х гг., подорвала экономику, ослабила единство государства. Поэтому японская армия без особого труда в сентябре 1931 г. захватила провинции Мукден и Гирин, а в ноябре 1931 г. завладела провинцией Хэйлунцзян. Чжан Сюэлян, главнокомандующий Северо-Восточной армией, имевший в подчинении войско, всемерно превосходящее неприятеля, принял решение не столько сосредоточить усилия на противостояние оккупантам, сколько уделить внимание потенциальной угрозе со стороны стран Коминтерна [Фоменко 2015, с. 43].

В марте 1932 г. на захваченной территории оккупанты основали государство Маньчжоу-Го. Во главе нового политического образования был поставлен последний представитель маньчжурской династии Цин – император Пу И. Его приход к власти стал символическим актом, направленным на укрепление власти Японии в Северо-Восточном Китае. Маньчжоу-Го стало марионеточным государством, подконтрольным Японии, и служило ее интересам в этом регионе. В марте 1933 г. в состав молодого государства была включена провинция Жэхэ.

На протяжении всего периода завоевания во всех публичных заявлениях подчеркивалось, что, несмотря на то, что Маньчжоу-Го было образовано с помощью японцев, оно «является независимым государством, не имеющим отношения к территории собственно Японии», а «японская армия заняла районы Северной Маньчжурии <...> не преследуя никаких завоевательных задач, а исключительно движимая чувством дружбы к правительству Маньчжоу-го и желанием оказать ему помощь в деле восстановления порядка»¹. Спустя два года, 1 марта 1934 г., государство Маньчжоу-Го было провозглашено империей Маньчжоу-Ди-Го. Данный политический ход был рассчитан на то, чтобы сохранить видимость соблюдения международного права и дипломатических норм.

Смоделированная японцами политическая и экономическая модель освоения ресурсов Маньчжурии кардинально отличалась от практики экспансии крупнейших мировых держав: «вместо примитивной колониальной эксплуатации этого региона путем вывоза природных ресурсов, приоритет был отдан развитию его промышленности и инфраструктуры за счет крупных инвестиций японского капитала» [Сидоров 2008, с. 361]. Последующее десятилетие для молодой империи Маньчжоу-Ди-Го стало периодом динамичных и масштабных реформ.

Подрастающее поколение русских эмигрантов как субъект формирования политической лояльности к японскому оккупационному режиму

Одной из приоритетных задач внутренней политики Японии на аннексированной территории стало формирование лояльности местного населения к политическому режиму новой власти. В реализации намеченного японцы делали ставку и на русскую диаспору, ее количественный и интеллектуально-образовательный потенциал.

По различным данным русская колония в Маньчжурии составляла от 250 [Аблова 1999, с. 127] до 400 тыс. человек [Печерица 1998, с. 264] и включала представителей различных национальностей и конфессий, некогда проживавших на территории Российской империи. Находясь в изгнании, представители каждой этнорелигиозной группы стремились сохранить свою общность и целостность (соблюдали традиции, продолжали практиковать национальные обычаи), однако при этом ориентировались на язык и культуру русской нации, «родиной называли Россию, себя – “русскими подданными”, а после 20-х гг. – “русскими эмигрантами”» [Забияко 2009, с. 111]. «Русскость» как психологическая, культурная и языковая установка явилась объединяющим началом для всех бывших подданных Российской империи².

В качественном отношении русская диаспора в Северо-Восточном Китае также была очень перспективной: промышленники и купцы (5,95 % всего русского эмигрантского населения), дворяне (3,6 %), чиновники и интеллигенция (10,9 %), рабочие и крестьяне (68,7 %) [Дубинина, Ципкин 1996, с. 72–73]. В реализации масштабных внешнеполитических устремлений японцев русские могли оказать оккупантам неоценимую услугу: «В силу своего исторического развития и образовательной подготовки русские являлись в Маньчжоу-Ди-Го одним из наиболее подготовленных к работе на индустриальном производстве народов, и японская администрация рассматривала их, с одной стороны, как ресурс для обеспечения форсированных темпов индустриализации, а с другой – как союзников в будущей войне с СССР» [Белоглазова 2015, с. 221].

¹ Заря. Харбин. 1932. 31 мая. С. 1.

² Забияко А.А., Забияко А.П., Леошико С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2015. С. 155.

Русские эмигранты неоднозначно отреагировали на приход японцев и образование нового государства. Старшее поколение русской диаспоры, свято хранившее память о соотечественниках, погибших при защите морской крепости Порт-Артур в русско-японской войне, восприняло японцев настороженно. Молодежь, а также политически ангажированная часть русских эмигрантов, разделявшая антикоммунистическую политику оккупантов, была более лояльной и в день вхождения армии захватчиков в Харбин вышла на улицы, приветствуя японцев³. По воспоминаниям эмигрантов, японские войска «входили довольно спокойно, без эксцессов. К русским относились дружелюбно, особенно к детям. Подзывали к себе, угощали сливочными ирисками фабрики “Моринага” <...> Солдаты не лезли в дома <...> Все вздохнули с облегчением» [Берзин 2017, с. 40]. Были среди выходцев из России и те, кто оказался равнодушен к политическим воззваниям новой власти. Оценив настроения русской диаспоры, японское командование приняло решение усилить административный контроль за «белой» колонией.

Фактическим руководящим органом Маньчжоу-Ди-Го являлась Японская военная миссия (ЯВМ), которая осуществляла контроль за всеми сферами жизни русских эмигрантов. 28 декабря 1934 г. было учреждено Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Формально данный административный орган «подчинялся министру народного благосостояния Маньчжоу-Ди-Го, фактически – Японской военной миссии, взявшей на себя его финансирование» [Аурилене 1996, с. 20]. В положении о БРЭМ отмечалось, что «Бюро является административным учреждением Маньчжоу-Го» и осуществляет руководство «общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защитой их правовых, экономических и культурных интересов» [Аурилене 1996, с. 120].

Пристальное внимание японцев было устремлено на подрастающее поколение русских изгнанников. Оккупанты осознавали, что «расцвет государства всегда совпадает с расцветом его молодых сил. И если государственная жизнь испытывает затруднения, то последние должны преодолеваются путем перестройки государственной политики, используя для этого, как опору, здоровые молодые силы страны»⁴. По сути, весь комплекс инициатив властей был направлен на воспитание будущих патриотов Маньчжоу-Ди-Го – детей и молодежи, которые в количественном отношении составляли около 30 % от всего числа эмигрантов [Бабкина 2018, с. 61]. По плану Японской военной миссии, «молодежь в будущем призвана быть основным кадром государства, принявшим на себя задачу продолжения работы теперяшнего поколения и создания еще лучших условий для работы будущего»⁵. Под влиянием грамотной идейно-воспитательной и идеологической работы поколение, пережившее оккупацию, должно позабыть факт военной агрессии и жестокость захватчиков, проникнуться духом паназиатизма, стать полностью подконтрольным и принимать добровольное участие в реализации внешнеполитических устремлений Японии – гореть «неугасаемым стремлением жертвенного служения государству»⁶, проникнуться «готовностью в любой момент жертвенно отдать свои силы на преодоление всех препятствий, могущих встретиться на пути народов Азии»⁷. Именно

³ Заря. Харбин. 1932. 9 февраля. С. 1.

⁴ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 208.

⁵ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 207.

⁶ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 208.

⁷ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 213.

сознательное и добровольное соблюдение подрастающим поколением русских эмигрантов установленного властью Маньчжоу-Ди-Го порядка должно было лечь в основу социального поведения и сформировать политическую лояльность граждан молодой империи.

Японцы осознавали, что правомерность и законность установленной власти должна подкрепляться комплексно, на различных уровнях (государственном, институциональном, индивидуальном), а лояльное отношение к ней формироваться системно (юридическими, экономическими, организационными, идеологическими средствами), поэтому последующее десятилетие в Маньчжоу-Ди-Го прошло под лозунгом «Молодежь – это будущее государства»⁸ и явилось периодом активных реформ, направленных на формирование внутренней и внешней конформности юных граждан как установки массового сознания и коллективного поведения следования политическому курсу паназиатизма.

Средства формирования политической лояльности русской молодежи в Маньчжоу-Ди-Го

Юридическое признание Маньчжоу-Ди-Го международным сообществом позволило японцам не только легитимизировать власть и снизить накал негативных настроений внутри страны, но и перейти к следующей фазе преобразований – укреплению доверия граждан к новой власти на идеологическом, организационном и экономическом уровнях.

Оккупанты осознавали, что лояльность формируется в рамках основных социальных институтов. Государственная идея Маньчжоу-Ди-Го расценивала здоровую в нравственном и физическом отношениях семью как первичную социальную ячейку, от физического и духовного уровня которой зависит благополучие всех граждан, а из этих ячеек складывается единая дружная и здоровая семья народов империи.

С первых дней оккупации Маньчжурии под предлогом отсутствия казенного жилья японские служащие начали заселяться в русские семьи: «Так начальник военной миссии в Бухэду Сакагучи жил в квартире у хозяйки электростанции Пенязевой» [Берзин 2017, с. 44]. В семьях эмигрантов японцы вели себя сдержанно, почтительно, «но совали нос в кастрюли» [Берзин 2017, с. 40], к традициям и обычаям россиян относились с уважением, принимали участие в общественных мероприятиях, посвященных памятным событиям и народным праздникам. В задачи постояльцев входило приобщение русских к культуре, обычаям, национальной кухне японского народа, обучение языку. В летний период японцы на «поездах дружбы» вывозили эмигрантов на отдых, на лоне природы устраивали конноспортивные развлечения [Берзин 2017, с. 44].

Безусловно, столь стремительное и близкое вхождение в быт и трудовые будни русских эмигрантов японских военных создавало напряжение, однако воспринималось разными поколениями неодинаково. Русская эмигрантка Е.Г. Явцева (дочь лидера русской эмиграции атамана Г.М. Семенова) так описывает свои детские впечатления от встречи с японскими военными на панихиде по русским военнослужащим, погибшим в 1904–1905 гг. при защите военной крепости Порт-Артур: «Оказалось, что кроме нас, учащихся и преподавателей Дайренской гимназии, кроме русской общественности и множества частных лиц, на панихиде присутствуют еще ... представители японского военного командования и почетный караул порт-артурского гарнизона. Военные появились совершенно неожиданно (для меня) <...> бесшумно, четко построились у края площадки – и замерли. И стояли так всю панихиду – по стойке

⁸ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 209.

“смирно” держа в левой руке головные уборы. Торжественным молчанием, парадностью военной формы, самым своим присутствием японские военные отдавали дань уважения мужеству павших российских воинов. Своих бывших противников. Позже мне сказали, что японские военные присутствуют на панихидах всегда, с тех давних пор, как сами же они (!) воздвигли на русском военном кладбище этот памятный монумент. Они же, военные местного гарнизона, постоянно потом помогали русской общественности (весьма немногочисленной и довольно бедной в Порт-Артуре), содержать кладбище в достойном памяти воинов порядке. Я хорошо помню, что ни у меня, ни у моих сверстников <...> присутствие японских военных особого восторга не вызвало. Но и назвать мое (наше) отношение к ним однозначно отрицательным я бы тоже не могла. Оно было каким-то двойственным» [Явцева 2017, с. 17–18]. Подкрепить и усилить достигнутые эффекты были призваны административные методы влияния. В январе 1932 г. Общество русских в Маньчжурии и Монголии начало процедуру перехода русских эмигрантов в подданство нового государства [Кротова 2012, с. 77]. Реакция эмигрантов на данную инициативу была неоднозначной, однако многие русские перешли в подданство Маньчжоу-Го. В 1933 г., с началом переговоров Китая и СССР о продаже Китайско-Восточной железной дороги, многие эмигранты, понимая, что советскому влиянию в Маньчжурии приходит конец, начали возвращение из советского гражданства в эмигрантское состояние. Японские оккупационные власти, демонстрируя лояльность к русскому населению, значительно упростили процедуру «десоветизации».

С приходом к власти японцы легализовали ту часть политических эмигрантских объединений, в том числе молодежных, которая ранее была запрещена китайскими властями или функционировала полулегально. Так, свое институциональное оформление получили молодежные объединения монархического крыла – Союз мушкетеров, Русский сокол, Российский Обще-Воинский союз (РОВС), Маньчжурский отдел Национальной организации русских разведчиков (НОРР), молодежный отдел Дальневосточного союза военных (ДСВ), а также молодежные подразделения праворадикального политического крыла – Всероссийской фашистской партии (впоследствии Российского фашистского союза) – Союз Юных Фашистов (Авангард), Союз Юных Фашисток и Союз Фашистских Крошек.

Под предлогом консолидации разрозненного эмигрантского сообщества Японская военная миссия в административном порядке силами БРЭМ решила проблему объединения русской диаспоры – молодежные организации, наравне со всеми иными объединениями русских эмигрантов, были взяты под контроль. На должности председателей БРЭМ японцы поставили лидеров политических объединений белоэмигрантов и авторитетных представителей генеральско-офицерского корпуса Российской империи – А.П. Бакшеева, Л.Ф. Власьевского, В.А. Кислицына, В.В. Рычкова [Цветков 2009, с. 133].

Высокие чины во вновь организованных социальных и политических структурах японцы охотно предлагали и молодым эмигрантам, проявлявшим лояльность к новой власти. Так, ключевые позиции в аппарате БРЭМ заняли фашисты, одними из первых выразившие готовность служить оккупантам. На должность руководителя Всероссийской фашистской партии в 1931 г. был утвержден двадцатичетырехлетний К.В. Родзаевский (1907 г.р.), радикальный антикоммунист. Он же получил должность начальника второго (культурно-просветительского) отдела БРЭМ. На место начальника канцелярии Всероссийской фашистской партии (в 1935 г.), а затем и начальника организационного отдела ВФП (в 1936 г.) был назначен Л.П. Охотин (1911 г.р.). Должность руководителя третьего (регистрационного) отдела занял двадцативосьмилетний М.А. Матковский (1903 г.р.) [Бабкина 2018, с. 238–265].

На должности руководителей молодежных подразделений иных политических и общественных объединений русских эмигрантов была назначена идеологически проверенная молодежь: начальник Монархического объединения Б.Н. Шепунов (1897 г.р.) [Смирнов 2023, с. 33], руководитель «Союза мушкетеров» В.С. Барышников (1906 г.р.), лидер Союза

националистической молодежи С.Ф. Коротеев (1906 г.р.) [Смирнов 2023, с. 34], уполномоченный третьего отдела БРЭМ по группе русских служащих Кёвакай в особом отделе Биньцзянского штаба Л.В. Вашута (1906 г.р.) [Бабкина 2018, с. 398], начальник второго (военного) отдела БРЭМ Н.Б. Коссов (1908 г.р.) [Смирнов 2023, с. 36], исполняющий обязанности вице-председателя Объединения российской молодежи, старший русский диктор и руководитель ежедневных русскоязычных эфиров на Харбинской радиостанции Д.И. Устинов (1911 г.р.) [Бабкина 2018, с. 291–292] и другие.

Назначение молодой поросли белоэмигрантов на ключевые посты властных структур и общественных объединений должно было свидетельствовать об уважении, признании новой властью россиян как «части большой государственной семьи народов Маньчжоу-Ди-Го»⁹, сигнализировало о готовности японцев вовлекать данную социальную группу в решение значимых общественно-политических проблем государства. Глубоко прагматичные действия властей отвечали присущей молодежи потребности в уважении, признании, самореализации, удовлетворении личных амбиций (возможности повышения социального статуса и материального благосостояния, вхождения в правящую элиту).

Укрепление вертикали власти сопровождалось формированием развернутой системы общественных институтов патриотического воспитания, в рамках которых государство могло бы не только регулировать социальные настроения молодежи, активизировавшейся на фоне советско-японской конфронтации конца 1930-х гг., но и вовлекать ее в решение конкретных проблем внутреннего и внешнего значения.

В период с января 1937 г. по май 1941 г. решением Министерства государственной безопасности, Министерства народного благополучия и Министерства по делам Монголии на территории Маньчжоу-Ди-Го в целях «здорового развития народа в духовном и физическом отношениях», усиления «государственной народной обороноспособности»¹⁰ были открыты специальные курсы воспитания и подготовки молодежи «Сэйнэн кунрэндзё» (Сэйкун), учреждены организация юношества и молодежи «Сэйсё нэндан» и «Российская эмигрантская организация молодежи Кёвакай», открыты Высшие курсы для русской молодежи, основаны русские молодежные отряды Кёвакай [Бабкина 2018, с. 225–226].

Эффективным средством достижения политической лояльности к режиму Маньчжоу-Ди-Го стала разработка и внедрение в сознание подрастающего поколения русских эмигрантов масштабной общезначимой цели, способной сплотить население вокруг представителей государственной власти. Поскольку японская администрация планировала использовать русскую колонию в Маньчжурии как эффективный ресурс для удовлетворения масштабных внешнеполитических амбиций, то в качестве объединяющей идеи выдвинула перед эмигрантами великую цель борьбы с «красным дьяволом»¹¹ – коммунизмом и советским режимом в СССР. Позднее, в 1941 г., с началом Тихоокеанской войны, ряды неприятелей пополнили англосаксы, «с которыми доблестная армия и флот Великого Императорского Ниппон ведут героическую борьбу за торжество нового, светлого порядка в мире»¹².

Проверенным оружием в деле идеологической пропаганды стала периодическая печать. Еще в 1920-е гг. в Маньчжурии была сформирована широкая сеть детско-юношеских и молодежных изданий на русском языке. После оккупации Северо-Востока Китая для усиления контроля над эмигрантами японское правительство монополизировало рынок

⁹ Движение молодежи Киова: в 2-х книгах. [Б.м.]. 1943. Кн. 1. С.42.

¹⁰ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 209.

¹¹ Родзаевский К. Разбудить и организовать творческие силы нашего народа // Наш путь. 1943. 3 января. С. 2.

¹² Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания // Голос эмигрантов. 1942. № 31(219). С. 7.

русской прессы. Однако выпуск русскоязычных изданий, адресованных подрастающему поколению русских эмигрантов, не прекратился, напротив, их количество возросло [Бабкина 2018, с. 59–70]. В 1934–1945 гг. на средства БРЭМ и Кёвакай выпускались русскоязычный журнал «Луч Азии», однодневная газета «День русского ребенка», газеты «Голос эмигрантов», «Боевой друг», «Издание учащихся общественной гимназии Бюро по делам российских эмигрантов “Друг юношества”», общественно-политический и литературный журнал Муданьцзянского штаба Кёвакай «На штурм», ежемесячный журнал литературной секции пристанского кружка молодежи Бюро эмигрантов «Пробуждение» [Бабкина 2018, с. 268].

Русскоязычная периодика призывала много и активно работать, «вытравливая яд интернационализма и безверия из душ сотен тысяч русских детей»¹³. В схватке с «ненавистным игом» «российская молодежь, родившаяся для созидательной работы в такой исторический и критический момент, должна в будущем принять участие как святая сила будущей, великой, созидательной войны», объединиться «за создание Великой Восточной Азии, проявив высочайшую солидарность с Маньчжоу-Ди-Го»¹⁴. Поскольку «порабощенный русский народ лишен возможности собственными силами порвать цепи рабства»¹⁵, спасительной силой в деле борьбы за освобождение России должен стать союз и дружба с Японией: «этот союз и эта дружба необходимы и неизбежны, что для нас, русских, являются СПАСИТЕЛЬНЫМИ. Япония – лидер народов Великой Восточной Азии, в ее руках судьба этой одной из величайших частей света. В добрососедстве и доброжелательстве Японии мы, русские, нуждаемся во всех отношениях»¹⁶.

Русскоязычная молодежная пресса, вовлеченная в японскую пропаганду, активно транслировала идеи единства целей, идеологических установок Маньчжоу-Ди-Го и эмигрантского сообщества, чем вносила свой вклад в укрепление авторитета государственной власти.

Административные и идеологические средства формирования лояльности подкреплялись экономическими. Согласно официальному отчету БРЭМ за 1935 г., из 22 526 официально зарегистрированных лиц старше 17 лет 12 275 были безработными [Бойко 2022, с. 1003]. Власти взяли на себя заботы по трудоустройству эмигрантов, оказанию финансовой помощи наиболее незащищенным социальным слоям населения: Бюро занималось переселением добровольцев в сельскохозяйственные районы страны, нуждавшиеся в рабочей силе; организовывало рабочие места при самом БРЭМ; на постоянной основе проводило благотворительные мероприятия – «День русского инвалида», «День русского ребенка» [Цветков 2009, с. 135].

Политические партии и общественные объединения, разделявшие политику Японской военной миссии, получали от нее щедрую финансовую поддержку. Так, например, Всероссийская фашистская партия, одна из самых многочисленных и влиятельных политических организаций русского зарубежья Дальнего Востока, содержалась на деньги японцев [Стефан 1992, с. 94].

В рамках реализуемой программы японо-русского сближения на средства БРЭМ и Кёвакай при учебных заведениях и общественных учреждениях русских эмигрантов были открыты кружки по изучению японской культуры и японского языка [Смирнов 2007, с. 63], систематически организовывались ознакомительные поездки в Японию. Объявления и отзывы о поездках в Японию публиковались на юношеской странице газеты «Голос эмигрантов»¹⁷. Программа по японо-русскому сближению стала важным шагом в укреплении

¹³ Наш путь. 1933. 29 ноября. С. 6.

¹⁴ Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания. Голос эмигрантов. 1942 г. 1 июня. С. 1.

¹⁵ Зарубежный казак: издание БРЭМ в Хайларе. Харбин. 1940. Сентябрь. С. 27.

¹⁶ 3 января 1943 г. // Наш путь. Шанхай. 1943 г. № 80. С. 1.

¹⁷ Организуется новая интересная экскурсия в Ниппон // Голос эмигрантов. Харбин. 1939. Сентябрь. С. 8.

культурных связей между двумя странами: информировала о событиях в регионе, приобщала россиян к культуре, философии, ценностям Востока.

На средства БРЭМ содержались женская и мужская русские гимназии, обучались сироты и дети русской бедноты, устраивались летние оздоровительные лагеря [Бабкина, 2018, с. 266], субсидировались приют «Ясли» [Бабкина 2018, с. 100], Дом Милосердия Камчатского подворья (г. Харбин)¹⁸.

Внимание к нуждам эмигрантов, участие в благотворительности должны были свидетельствовать о заботе, проявляемой руководством Маньчжоу-Ди-Го по отношению к эмигрантской колонии, повышать доверие русской диаспоры к новой власти.

В конце 1930-х гг. выплаты россиянам стали более системными и адресными: «Квантунская армия непосредственно выплачивала по 20 тыс. иен в месяц для руководства эмиграцией. Определенные средства тратились на вербовку диверсионных отрядов. Семьям завербованных платили по 20–30 иен в месяц в виде помощи, причем эти средства выплачивались из секретных фондов» [Наземцева 2020, с. 40]. Как следствие – некоторая часть эмигрантской молодежи (не только лояльной, но и индифферентно настроенной) демонстрировала готовность взаимодействовать с японцами [Смирнов 2023, с. 32–35].

Разработанные японцами административные, экономические, идеологические средства укрепления доверия подрастающего поколения русских эмигрантов к новой власти, подкрепляемые хорошо выстроенной системной работой молодежных институтов, со временем должны были дать позитивный социальный эффект: повысить вовлеченность молодежи во внутри- и внешнеполитические процессы, сформировать долгосрочную лояльность к власти.

Факторы дестабилизации лояльности русской молодежи к японским властям как следствие неустойчивости внутренней и внешней политики Маньчжоу-Ди-Го

Несмотря на то, что несовпадение культурных, религиозных, ценностных оснований русской и японской культур являлись серьезной преградой в установлении эффективного диалога и признании легитимности власти оккупантов русской диаспорой, у правительства Маньчжоу-Ди-Го были все основания рассчитывать на успех. Эмигрантская молодежь, ставшая свидетелем и участником кардинальных государственных преобразований в Российской империи и масштабных внешнеполитических трансформаций в Восточной Азии в начале XX в. в большей степени, нежели представители старшего поколения, была зависима от внешнего воздействия и ситуативных процессов, а потому склонна к смене авторитетов и конверсии гражданской позиции.

Идеологами японского экспансионизма была разработана стройная концепция политики мирного формирования приверженности подрастающего поколения русских эмигрантов целям, нормам, ценностям, политическим устремлениям Японии. Системные воздействия (административные, экономические, идеологические) на русскую молодежь на уровне существующих социальных институтов Маньчжоу-Ди-Го в начале 1930-х гг. были весьма успешными, поскольку отвечали политическим и карьерным амбициям значительной части русской эмигрантской молодежи. Даже те представители подрастающего поколения русских эмигрантов, которые не разделяли способов достижения устремлений японцев, до

¹⁸ Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. 1942. С. 308.

определенного момента проявляли к ним лояльность, демонстрировали законопочитание, поскольку их интересы пересекались с интересами оккупантов.

Однако уже со второй половины 1930-х гг. в связи с обострением японо-китайской войны и участвовавшими советско-японскими военными противостояниями отношение японцев к представителям русской диаспоры в Маньчжурии изменилось: «со временем японцы стали вмешиваться во все стороны жизни: от хозяйственной до религиозной» [Берзин 2017, с. 46].

Административный контроль за русской колонией усилился многократно. Свободное перемещение по стране европейскому населению было запрещено. Чтобы выехать из одного района в другой требовалась виза, а ряд направлений (Бухэду, Аньда¹⁹), в которых располагались стратегически значимые объекты, и вовсе были закрыты для эмигрантов.

Лицо, не зарегистрированное в БРЭМ, расценивалось властями как незаконопослушный, а значит опасный гражданин. Образовательные и политические организации русской молодежи, не пожелавшие действовать в соответствии с предписаниями японцев (Харбинское отделение РОВС, Маньчжурский отдел КИАФ, Союз мушкетеров), были расформированы, а их руководители высланы из страны [Смирнов 2007, с. 62].

В целях укрепления политической и оборонной мощи, усиления разведывательно-диверсионной работы на территории СССР в 1938 г. из состава русской эмигрантской молодежи был сформирован «Отряд Асано» (отделения действовали по всей стране): «забирали в эти отряды, не спрашивая желания, а в случае отказа служить, применяли различные репрессивные меры» [Берзин 2017, с. 45].

Наиболее деструктивными оказались действия властей, направленные на трансформацию системы ценностей русской диаспоры. Старшее поколение русских эмигрантов ощущало тоску по старой России и прежнему укладу жизни и старалось убедить русскую молодежь, «что недалек уже день освобождения России от ига коммунистов, прекрасный и радостный день возвращения <...> на воскресшую Родину»²⁰ и приложило все усилия, чтобы «воспитать русских детей, любящих свою Родину <...> знающих русский язык и русскую историю»²¹.

Изучение эпистолярного наследия младшего поколения русских эмигрантов и содержания периодических изданий для детей и молодежи русского зарубежья Дальнего Востока 1920-х – 1940-х гг. позволило выявить аксиологические императивы эмигрантов-дальневосточников: «Россия»²², «любовь к прошлому России, к ее истории» [Крузенштерн-Петерс 1998, с. 41–42], «преданность Христовой вере»²³, «безгранично богатая русская культура, могучий русский язык, все науки и искусства российские, блестящая классическая поэзия и литература»²⁴.

Методичная, последовательная работа социальных институтов русского зарубежья Дальнего Востока (семьи, церкви, образовательных учреждений, политических и общественных организаций, средств массовой информации) по сохранению многовековых традиций и культурного достояния России доказала свою эффективность. Ни чуждая языковая и культурная среда, ни начавшиеся процессы аккультурации не помешали детям-эмигрантам, имевшим «очень смутные представления о действительной жизни на Родине»²⁵, вырасти

¹⁹ На станции Аньда располагался отряд 731, который занимался разработкой бактериологического оружия.

²⁰ Обращение Высокопреосвященнейшего Виктора, Архиепископа Китайского и Пекинского, к русским детям // *Вестник национальной организации русских скаутов-разведчиков*. 1939. № 8. С. 14.

²¹ Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // *Рубеж*. 1934. № 47. С. 24–25.

²² *Волин М.* Россия. Чураевка: литературная газета. 1932. № 7 (1). 27 декабря. С. 1.

²³ *Грызлов Алексей.* Бог, Родина и честность. Чураевка: ежемесячная литературная газета. 1933. № 4 (10). 14 ноября. С. 4.

²⁴ Обращение Высокопреосвященнейшего Виктора, Архиепископа Китайского и Пекинского, к русским детям // *Вестник национальной организации русских скаутов-разведчиков*. 1939. № 8. С. 13.

²⁵ «Будто нет расстоянья и времени нет...» (Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А. В. Ревоненко).

истинными патриотами: «У нас нет воспоминаний, которые перетряхивает старшее поколение эмигрантов, а между тем мы чувствуем себя до крайности русскими»²⁶, – вспоминал один из участников молодежного объединения «Молодая Чураевка» поэт Н. Щеголев.

Инициировав в 1937 г. образовательную реформу эмигрантских учебных заведений, японцы посягнули на основополагающую константу аксиологической системы эмигрантов – родной язык. В русле деклараций о духовном единстве между Японией и Маньчжоу-Ди-Го японский язык был объявлен приоритетным для образования (в высшей школе обучение велось только на нем) [Белоглазова 2015, с. 217]. Преподавание на китайском в школах Маньчжоу-Ди-Го не предусматривалось, обучение на маньчжурском и русском языках допускалось в исключительных случаях, с разрешения японских властей [Бабкина 2018, с. 227].

Однако «больше всего русское население было возмущено вмешательством японцев в религию» [Ильин, 1966, с. 196]. Эпистолярное наследие бывших харбинцев и личные дела представителей русского духовенства (иеромонаха Мефодия²⁷, архиепископа Нестора²⁸), сохранившиеся в архивах русского зарубежья, свидетельствуют о том, что японцы начали принуждать русских эмигрантов (особенно молодежь) поклоняться синтоистской богине Аматэрасу. Но встретив ощутимое сопротивление со стороны значительной части русской диаспоры, в том числе молодежи, японцы были вынуждены отступить.

Как отмечает историк С. Б. Белоглазова, наперекор устремлениям властей «предложенный японской администрацией комплекс ценностей не был воспринят русской диаспорой, предпочитавшей ориентироваться на традиционные ценности своего народа» [Белоглазова 2015, с. 221]. Едва достигнутое в начале 1930-х гг. равновесие между устремлениями и институционализированными способами достижения ожиданий русских и японцев было нарушено, эмигрантская молодежь уже не ощущала своей принадлежности и вовлеченности в общее дело, что привело к росту протестных настроений, снижению политической активности молодежи (как следствие – массовый выход русского юношества из Союза мушкетеров и Российской фашистской партии).

Уровень доверия эмигрантов к власти стремительно падал, русская диаспора все отчетливее осознавала, что «Великий Ниппон <...> насаживает на штык русских пигмеев как на вертел» [Ильин 1966, с. 180], и, не имея возможности открыто выражать свой протест, начала «голосовать ногами»: русские массово покидали Маньчжоу-Ди-Го, несмотря на то, что выехать из страны становилось все сложнее.

Начавшаяся в 1941 г. Азиатско-Тихоокеанская война еще более усугубила ситуацию: «удивительно было то, что наряду со всеми военными ликованиями японцы все хуже обращались с эмиграцией и все больше восстанавливали против себя русских. Со стороны казалось, что словно какая-то злая воля толкала их делать разные глупости» [Ильин 1966, с. 190], «была совершенно непонятна эта какая-то озлобленность и даже издевательство в отношении русских эмигрантов, в которых японцы хотели видеть “союзников” в борьбе в коммунизмом» [Ильин 1966, с. 196].

Нападение Германии на СССР и начало Великой Отечественной войны способствовали росту патриотизма в эмигрантской среде. Следя за продвижением фашистских войск по территории Родины, опасаясь возможного скорого нападения японцев на советский Дальний Восток, русские эмигранты искали любые сведения о событиях, происходивших в отечестве, однако «японские сводки и радио-сообщения отличались необыкновенным враньем» [Ильин 1966, с. 182]. Обман, плохо скрываемые манипуляции со стороны японцев, ущемленное

Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. 2006. С. 77.

²⁶ Щеголев Н. Что такое «Молодая Чураевка»? // Парус. 1931. № 1. С. 82.

²⁷ Иеромонах Мефодий. ГАХК. ФР. 830. Оп. 3. Ед. хр. 30695.

²⁸ Архиепископ Нестор (Николай Александрович Анисимов). ГАХК. ФР. 830. Оп. 3. Ед. хр. 1069.

чувство национальной гордости и личного самолюбия эмигрантов, нежелание действовать в чужих интересах способствовали увеличению числа оппозиционно настроенной молодежи. Достижение политической лояльности представителей русской диаспоры к властям Маньчжоу-Ди-Го стало невозможным.

Поражение Японии во Второй мировой войне положило конец паназиатским проектам японцев. Представителей русской диаспоры ждала реэмиграция или второй исход в США, Австралию, страны Европы. Однако попытка построения политического диалога между русской эмигрантской молодежью и японскими властями Маньчжоу-Ди-Го являет собой интересный и перспективный для изучения опыт формирования политической лояльности и коллективной государственной идентичности как значимого ресурса сохранения устойчивости развития страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аблова Н.Е. История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX в.). Благовещенск: БГУ. 1999.
- Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30-40-е гг. XX в.: на примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 1996.
- Бабкина Е.С. Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945 гг.): дис. ... доктора филол. наук. Санкт-Петербург. 2018.
- Белоглазова С.Б. Русские школы в контексте образовательной реформы 1937 г. в Маньчжоу-Ди-Го // *Россия и АТР*. 2015. № 4 (90). С. 212–222.
- Берзин Г.П. Пути из Латвии в Маньчжурию. История семьи Берзиных // *Русская Атлантида*. 2017. № 67. С. 37–50.
- Бойко И.В. Русские эмигранты и японское элитарное образование в Маньчжоу-го. *Новейшая история России*, 2022. Том 12. № 4. С. 999–1017.
- Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 70–84.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Звезды Маньчжурии»: инокультурное пространство в восприятии писателей-эмигрантов. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009.
- Ильин И. На службе у японцев // *Новый журнал*. Нью-Йорк. 1966. Кн. 85. С. 193–211.
- Кротова М.В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляция с гражданством как стратегия выживания // *Новый исторический вестник*. 2012. № 32. С. 66–83.
- Крузенштерн-Перетец Ю.В. Воспоминания (продолжение). *Россияне в Азии*: лит.-ист. ежегодник / под ред. О. Бакич. Торонто: Изд-во центра по изучению России и Восточной Европы в Торонтском ун-те. 1998. Вып. 5. С. 25–83.
- Наземцева Е.Н. Политика японских оккупационных властей в отношении русской эмиграции на оккупированных территориях Китая в период Второй мировой войны // *Современные востоковедческие исследования*. 2020. Вып. 2. № 5. С. 38–48.
- Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во ДВГУ. 1998.
- Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений 1918–1939. Москва. 2008.
- Смирнов С.В. Молодежная «политика» Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935 – 1945) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 1. С. 29–40.
- Смирнов С.В. Японская политика в Маньчжурии и русские эмигрантские организации (1932–1945) // *Уральское востоковедение*. 2007. Вып. 2. С. 59–64.

- Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // *Рубеж*. 1934. № 47. С. 24–25.
- Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925. Москва: Ex libris. 1992.
- Фоменко В.М. Социокультурная политика Японии в Маньчжоу-Го (1932–1945): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 2015.
- Цветков И. Финансовые органы БРЭМ и их деятельность (декабрь 1934 – август 1945 г.) // *Власть*. 2009. № 6. С. 133–136.
- Явцева Е.Г. (Семенова). Да, я – дочь атамана Семенова // *Русская Атлантида*. 2017. № 67. С. 3–25.

REFERENCES

- Ablova, N.E. (1999). *Istoriya KVZHD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [History of Chinese Eastern Railway and Russian Emigration in China (First Half of the 20th Century)]. Blagoveshchensk: BGU. (In Russian).
- Aurilene, E.E. (1996). *Rossiiskaya emigratsiya v Man'chzhurii v 30–40-e gg. XX v.: Na primere deyatel'nosti Byuro po delam rossiiskikh emigrantov v Man'chzhurskoi imperii* [Russian Emigration in Manchuria in the 1930s–1940s: On the Example of the Activities of the Bureau of the Affairs of Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. Candidate of Historical Sciences Dissertation. Vladivostok. (In Russian).
- Babkina, E.S. (2018). *Zhurnalistika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka dlya detei i molodezhi v sotsiokul'turnom kontekste (1898–1945 gg.)* [Journalism of Russians Living Abroad of the Far East for Children and Youth in the Sociocultural Context (1898–1945)]. Doctor of Philological Sciences Dissertation. Saint Petersburg. (In Russian).
- Beloglazova, S.B. (2015). Russkie shkoly v kontekste obrazovatel'noi reformy 1937 g. v Man'chzhui-Di-Go [Russian Schools in the Context of the 1937 Education Reform in Manchu-Di-Go]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia Pacific], № 4 (90), 212–222. (In Russian).
- Berzin, G.P. (2017). Puti iz Latvii v Man'chzhuriyu. Istoriya sem'i Berzinykh [Ways From Latvia to Manchuria. History of the Berzin Family]. *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis], 67, 37–50. (In Russian).
- Boiko, I.V. (2022). Russkie emigranty i yaponskoe elitarnoe obrazovanie v Man'chzhou-go [Russian Emigrants and Japanese Elite Education in Manchukuo]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Contemporary History of Russia], 12 (4), 999–1017. (In Russian).
- Dubinina, N.I., Tsipkin, Yu.N. (1996). Ob osobennostyakh dal'nevostochnoi vetvi rossiiskoi emigratsii (na materialakh Kharbinskogo komiteta pomoshchi russkim bezhentsam) [On the Peculiarities of the Far Eastern Branch of Russian Emigration (Using the Materials of the Kharbin Committee for Assisting Russian Refugees)]. *Otechestvennaya istoriya* [History of the Fatherland], 1, 70–84. (In Russian).
- Fomenko, V.M. (2015). *Sotsiokul'turnaya politika Yaponii v Man'chzhou-Go (1932–1945)* [Sociocultural Policy of Japan in Manchukuo (1932–1945)]. Candidate of Historical Sciences Dissertation. Irkutsk. (In Russian).
- Il'in, I. (1966). Na sluzhbu u yaponsev [In Japanese Service]. *Novyi zhurnal* [New Magazine], 85, 193–211. New York. (In Russian).
- Krotova, M.V. (2012). Russkie emigranty v mezhoennoi Man'chzhurii: manipulatsiya s grazhdanstvom kak strategiya vyzhivaniya [Russian Emigrants in Interbellum Manchuria: Manipulation of Citizenship as a Strategy of Survival]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 32, 66–83. (In Russian).
- Kruzenshtern-Peretets, Yu.V. (1998). Vospominaniya (prodolzhenie) [Memoirs (Continuation)]. In *Rossiyanе v Azii: lit.-ist. ezhegodnik* [Russians in Asia: A Literary-Historical Yearbook], ed by O. Bakich, Issue 5 (pp. 25–83). Toronto: Izd-vo tsentra po izucheniyu Rossii i Vostochnoi Evropy v Torontskom un-te. (In Russian).

- Nazemtseva, E.N. (2020). Politika yaponskikh okkupatsionnykh vlastei v otnoshenii russkoi emigratsii na okkupirovannykh territoriyakh Kitaya v period Vtoroi mirovoi voiny [Policy of Japanese Occupation Authorities Regarding Russian Emigrants in the Occupied Territories of China During World War II]. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya*, 2 (5), 38–48. (In Russian).
- Pecheritsa, V.F. (1998). *Dukhovnaya kul'tura russkoi emigratsii v Kitae* [Spiritual Culture of Russian Emigration in China]. Vladivostok: Izd-vo DVGU. (In Russian).
- Sidorov, A.Yu., Kleimenova, N.E. (2008). *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii 1918–1939* [History of International Relations]. Moscow. (In Russian).
- Smirnov, S.V. (2007). Yaponskaya politika v Man'chzhurii i russkie ehmigrantskie organizatsii (1932–1945) [Japanese Policy in Manchuria and Russian Emigrant Organizations (1932–1945)]. *Ural'skoe vostokovedenie*, 2, 59–64. (In Russian).
- Smirnov, S.V. (2023). Molodezhnaya «politika» Byuro po delam rossiiskikh ehmigrantov v Man'chzhurskoi imperii (1935–1945) [Youth “Policy” of the Bureau of the Affairs of Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 1, 29–40. (In Russian).
- Smotr zhenskikh literaturnykh sil ehmigratsii Dal'nego Vostoka [A Review of Female Literary Forces of the Emigration of the Far East]. (1934). *Rubezh*, 47, 24–25. (In Russian).
- Stefan, Dzh. (1925). Russkie fashisty: Tragediya i fars v ehmigratsii. 1925 [Russian Fascists: Tragedy and Farce in Emigration. 1925]. Moskva: Ex libris. (In Russian).
- Tsvetkov, I. (2009). Finansovye organy BREM i ikh deyatel'nost' (dekabr' 1934 – avgust 1945 g.) [Financial Bodies of Bureau of the Affairs of Russian Emigrants in the Manchurian Empire and Their Activities (December 1934 – August 1945)]. *Vlast'*, 6, 133–136. (In Russian).
- Yavtseva, E.G. (Semenova). (2017). Da, ya – doch' atamana Semenova [Yes, I Am Ataman Semenov's Daughter]. *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis], 67, 3–25. (In Russian).
- Zabiyako, A.A., Efendieva, G.V. (2009). «Zvezdy Man'chzhurii»: inokul'turnoe prostranstvo v vospriyatii pisatelei-emigrantov. *Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: monografiya* [“Stars of Manchuria:” Foreign Cultural Space in the Perception of Emigrant Writers. Between Two Worlds: Russian Writers in Manchuria: A Monograph]. Blagoveshchensk: Amurskii gos. un-t. (In Russian).

Поступила в редакцию: 13.07.2024

Received: 13 July 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024